

УДК 141.155:53.01/05

Г. Ф. Горбашова

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

**Р. Пиль – ОБРАЗЕЦ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ БРИТАНИИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

Статья посвящена выдающемуся представителю британской политической элиты – Р. Пиллю. На основе анализа английских источников показан процесс формирования политика нового типа. В центре внимания находятся его идеи, консервативные принципы, разработка новой тактики и стратегии, характерные черты политика нового типа.

Ключевые слова: парламентская реформа 1832 года, Р. Пиль, Темуорский манифест, консервативная партия, либеральный консерватизм, политическая элита.

В российском англоведении (одном из направлений в современной отечественной историографии) определился ряд актуальных проблем, изучаемых и требующих дальнейших исследований. При этом следует отметить присутствие особого интереса к истории Англии и ее глубокое изучение представителями различных поколений отечественных историков, и не только в Москве и Петербурге, но в таких городах, как Казань, Калуга, Екатеринбург, Ярославль, выявление новых сюжетных линий. Британская политическая элита пока еще остается малоизученной отечественными исследователями, личностям консервативной партии ранневикторианской эпохи не уделялось должного внимания, за исключением ряда работ российских историков, занимающихся изучением политической истории Британии XIX века. Безусловно, заслуживает внимания и накопленный опыт в изучении «человека первого плана» в истории Британии викторианской эпохи, представленный в российском англоведении известнейшими исследователями В. Г. Трухановским, К. Б. Виноградовым, О. А. Науменковым, В. В. Сергеевым, И. М. Узнародовым, В. Д. Кукатовым, И. С. Меншиковым [1, 2]¹.

В политической истории Великобритании Р. Пиль был и остается одним из ярких представителей политической элиты, вынужденной приспосабливаться в соответствии с требованиями времени. В первой половине XIX в. по мере раскрытия основных тенденций, заложенных новым веком, когда становится очевидным, что восстановить старые общест-

венные связи невозможно, а новые создаются с невероятным трудом, когда все отчетливее проявляются новые экономические интересы и деньги начинают играть роль «единственного закона», люди утрачивают веру в себя, в свое будущее, их охватывают сомнения, порожденные неопределенностью, долгим процессом осознания своего действительного места в «революционном мире». Именно тогда смыкается с традиционализмом и романтическое сомнение в прочности общественных основ и возможности какого бы то ни было будущего. «В британцах, живущих в ранний период правления королевы Виктории (1837–1850 гг. – Г. Г.), – пишет И. М. Узнародов, – нельзя было не заметить изрядной доли романтизма, печать которого буквально лежала на всем – на отношении к своей истории и традициям, на отношении к религии, к семье...» [3, с. 11].

Менялись нравы, нормы поведения, складывалось новое мировосприятие, менялся характер общества, происходил поворот во всей жизни, но, несмотря на все достижения, жизнь Соединенного Королевства не была так безоблачна, как может показаться на первый взгляд. Изменилось соотношение сил разных социальных групп, усиливалось противостояние между аристократией и «молодой» промышленной буржуазией (это противостояние, переросшее в конце 30-х годов XIX в. в конфликт, стало водоразделом в политической жизни не только страны, партиях, но и отдельных людей), возникала опасность новых потрясений. После парламентской реформы 1832 г. общество не обрело умиротворения, а значит, по-прежнему стремилось найти точку опоры в «новом» мире. И в этом обществе помогают поэты-романтики (Р. Саути, С. Кольридж) и политики (Дж. Крокер, Р. Пиль). Р. Саути (не только поэт «озерной школы», но и сотрудник журнала «Квотерли Ревью» – органа партии тори), осуждая ужасы индустриализации и критикуя буржуазию,

¹ Россия и Британия. Вып. 3. М., 2003; Вып. 5. М., 2010; Россия и Британия. XVI–XIX века. М., 2007; Давидсон А. Б. Российские и британские историки на пути к взаимопониманию // Новая и новейшая история. 2014, № 5. С. 114–125; Трухановский В. Г. Б. Дизраэли, или история одной невероятной карьеры. М., 1988. Викторианцы. Столпы британской политики XIX в. Ростов-на-Дону, 1996; Меншиков И. С. Британские премьер-министры XIX века. Курган, 2006.

которая разрушает «старый общественный порядок», призывая к сохранению законопослушания и рассудительности, понимает невозможность возвращения к «доброй старой Англии». С. Кольридж, окунувшись в неприятную действительность, отмечал вырождение правящей аристократии, ее измену нравственным идеалам. В воспитании нравственно-здоровья аристократии он отводил главную роль церкви, которая, благодаря образованности, обеспеченности и неучастию в экономической конкуренции, призвана поддерживать и увековечивать духовное богатство нации [9, р. 74–75]. И если романтики (С. Кольридж, Р. Саути) стараются не столько решать, сколько ставить проблемы во всем их объеме через свои публикации, формируя тем самым определенный настрой общественного мнения, то политиков, в частности Дж. Крокера (член парламента и известный журналист), в большей степени занимало решение проблем. Он переводит «традицию из сферы совести и сознания» в практическую политику, принимает активное участие в парламентских дебатах по поводу вигского парламентского билля (4 марта 1831 г.), будучи его противником, являясь защитником «величайших государственных интересов», не в меньшей мере стремится продемонстрировать и объединить силы, способные сохранить эти институты [24, в. 48, р. 544, 547]. Не менее интересным с этой точки зрения является тот факт, что в начале 30-х гг. XIX в. в статье Дж. Крокера в «Квотерли Ревью» впервые был введен термин «консервативная партия» (в смысле охранительная), который стал использоваться не только в прессе, но и тогдашними политиками, хотя термин «консервативная партия» еще не употреблялся как общепризнанное название партии тори. Новое название партии утвердилось за ней с середины 30-х гг. после того, как один из лидеров тори Р. Пиль в 1834 г. провозгласил: «Политика партии преследует цель сохранить все хорошее, что есть в существующих институтах» [24, р. 106]. Следовательно, речь шла не только о смене названия партии, но и линии партии, в основе которой должны лежать «охранительные меры», не допускающие радикальных преобразований, «крайностей революции». По мнению Дж. Крокера, это значение термина и его использование позволяло объединить силы «охранителей», да и не только их, ведь чувство неуверенности в незыблемости общественных институтов захватило и часть бывших реформаторов [10, в. 1, р. 137]. Можно согласиться с утверждением Н. Гэша, что после поражения консерваторов на выборах 1832 года важным для них стал не только вопрос объединения, политики партии, но и ее лидера. Проблема лидерства стояла наиболее остро, так как согласия в партии по этому вопросу не было достигнуто. Р. Пиль –

неординарный политик викторианской Англии, по рождению тори, по убеждениям – «либеральный консерватор», продолжатель дела Ливерпуля и Каннинга (оба относились к группе «умеренных тори»), но достигший больших успехов в развитии «либерального консерватизма», чем его учителя, по мнению газеты Times становится «главой Консервативной партии» [30, 1835, 3 September]. Не менее важным является и тот факт, что он с 1835 года становится главой консервативных сил в стране.

Р. Пиль родился 5 февраля 1788 г. недалеко от Темуорса в Стаффордшире в семье разбогатевшего фабриканта хлопчатобумажных изделий, принадлежавшей к «среднему классу», но происходившей из старинной саксонской ветви. Его отец был удостоен титула баронета. Р. Пиль поступил в 1801 г. в Харроу, с 1805 г. продолжил образование в Оксфорде. Со школьной скамьи он отличался трудолюбием, удачно сдал академические экзамены, владел незаурядными знаниями в различных областях и широтой мышления. Он не выбирал своих политических убеждений, он родился тори. В 1809 г. Р. Пиль стал торийским членом парламента как представитель от Камела (ирландский избирательный округ) [8, р. 45; 31, р. 232], и тем самым присоединился к отцу, который входил в палату общин как представитель местечка Темуорс. Перед ним открылись широкие возможности для начала политической карьеры. Следует подчеркнуть, что уже в самом начале своей политической карьеры Р. Пиль следовал желанию отца – «оставить след в истории». С этого времени его жизнь связана с государственной и политической деятельностью: статс-секретарь по делам колоний, статс-секретарь по ирландским делам, министр внутренних дел в кабинете лорда Ливерпуля, а позднее в правительстве герцога Веллингтона. Первые шаги Р. Пилия в большую политику были сделаны в начале 20-х гг. XIX в. в период министерства герцога Веллингтона. К этому времени он примкнул к группе «умеренных тори» (каннингитов) – сторонников превентивных реформ в духе Э. Берка, противостоящей крайне правой аристократической группировке во главе с Веллингтоном. Будучи министром внутренних дел совместно с министром торговли Гэскинсоном осуществил ряд умеренных реформ в интересах промышленной буржуазии (отменены или снижены ввозные пошлины на различные виды продовольствия, введена «скользящая шкала» пошлин на хлеб. Р. Пиль несколько смягчил уголовное законодательство: акт 1829 г. о лондонской полиции сделал борьбу с преступностью более эффективной и гуманной. Данный акт сделал его «национальной фигурой». В процессе обсуждения и принятия закона об эмансипации католиков (1829) он вынужден был противостоять

официальной оппозиции большинства «ультра-тори». В ходе борьбы за парламентскую реформу он примкнул к лагерю ее противников. После ее принятия Р. Пиль свою платформу изложил в речи в парламенте при обсуждении ответа на послание Вильгельма IV: он признавал акт о реформе и заявил о готовности поддерживать те меры, которые будут способствовать укреплению основ общества – законность, порядок, сохранение конституции и собственности. [17, v. 15, p. 366–386]. Парламентская реформа расценивалась Р. Пилем как важный шаг, следствием которого явилось окончательное урегулирование конституционного вопроса. Вместе с тем мысль о противостоянии радикализму высказывалась Р. Пилем постоянно. В одном из своих писем в 1833 году он следующим образом определил позицию партии: «Противодействие радикализму, противостояние дальнейшим демократическим действиям» [26, v. 2, p. 212].

Необычайный взлет Р. Пилля не в последнюю очередь был связан с разработкой, введением в политическую жизнь «либерального консерватизма», позднее получившего название «пилевского консерватизма», в основе которого лежит осторожный реформизм Э. Берка, предполагающий сохранение традиционных институтов, но допускающий бережное и благоразумное удаление злоупотреблений. Можно согласиться с утверждением британских исследователей, что ведущим элементом пилизма была выработка политического курса реформ, который позволил бы сохранить земельную аристократию от разрушительных и деструктивных революционных сил. Но вместе с тем Р. Пиль, будучи выходцем из среды крупной промышленной буржуазии, отдавал себе отчет в том, что для восстановления позиции партии ориентация только на «ультра-тори», т. е. на ту часть крупной буржуазии, больше всего задетых и напуганных парламентской реформой, бесперспективна. Р. Пиль считал крайне важным довести до сведения основной массы избирателей (и тори, и потенциальных союзников) позицию партии. И такая возможность ему представилась. 11 декабря 1834 г. он выступил перед избирателями местечка Темуорс: «Я обращаюсь к влиятельному и разумному классу общества... к честным его представителям, к классу, который менее всего заинтересован в обещаниях партии. В сохранении порядка, – продолжал он, – в искреннем провозглашении общих принципов, которые не могут служить интересам министерства, лежат главные условия хорошего правительства» [20, p. 11, 13].

В Темуорском манифесте Р. Пиль официально признана парламентская реформа 1832 г. и готовность действовать в духе этой реформы: «... дух этого закона требует только внимательного пере-

смотра наших гражданских и церковных учреждений, пересмотра без всякого враждебного чувства с целью исправить только доказанные злоупотребления и устранить действительные тяготы, твердо сохраняя законно приобретенные права» [12, v. 12 (1), p. 128]. Консерваторы убедились в том, что закон не является угрозой их политическому господству, т. е. власти земельной аристократии, а несет лишь устранение некоторых назревших злоупотреблений. Признание тори парламентской реформы позволило снять с себя обвинения в реакционности, антиреформаторстве. В Манифесте Р. Пиль утверждал, что он был и будет сторонником реформ, ссылаясь на свою поддержку проведенных реформ (уголовного права) и предлагал ряд новых реформ (городского самоуправления, церкви). Им была предложена программа превентивных реформ в духе Э. Берка, которые стояли на страже традиционных институтов – гражданских и духовных – и не затрагивали бы их по сути. «От всякого прямого или косвенного нападения он (Р. Пиль – Г. Г.) защищал общественную собственность, действующие законы и права, престол, церковь...» [5, с. 529].

Манифест Р. Пилля – обращение к избирателям – по сути дела был своего рода декларацией, в которой определялись основные политические установки партии, хотя конкретной программы действий еще не было. Характерной особенностью его обращения к избирателям местечка Темуорс являлось стремление подчеркнуть необходимость реформ в «консервативном охранительном стиле», которые не ослабляют основ государства. Между тем Р. Пиль, как наиболее дальновидный политик, указывал, что консерватизм не будет угрозой социальным и политическим улучшениям, введенным «средним классом» в предыдущий период, хотя задачей консерватизма является перевод реформ в приемлемое русло для правящего аристократического истеблишмента, что означало в конечном счете противодействие радикальным преобразованиям. Главной целью тогдашних консерваторов было стремление объединить всех тех, кто заинтересован в сохранении существующих порядков. Идеи и принципы, изложенные Р. Пилем, оказались созвучными настроениям различных слоев ранневикторианского общества. К консерватизму в стране в данный период подталкивал шок, вызванный парламентской реформой 1832 г., чувства неуверенности в незыблемость существующих общественных институтов. Это была программа «разумного консерватизма» – речь шла о применении «охранительных мер» и допустимых пределах в использовании реформ. Реформы должны твердо укорениться в существующей «традиции действия», в соответствии с накопленной мудростью отражаться в социально-политической

установленной процедуре. Это и обеспечивает, по мнению консерваторов, сохранение общественных институтов, являющихся результатом медленно и постепенного роста обычаев, традиции, практики и официального указа [23, р. 97. 25–26]. Как считает М. П. Айзенштат, Р. Пиль «предложил альтернативу как радикализму, так и ультра-торизму. Он сформулировал программу политики, допускающую умеренные и постепенные преобразования. ...Такая апелляция главы кабинета к общественному мнению с программным документом стала первой в политической истории... К общественному мнению обращались кабинеты, издавая памфлет с разъяснением своей политики. Однако глава правительства с программным политическим заявлением выступал впервые, что не осталось незамеченным» [2, с. 305].

В декабре 1834 г. Р. Пиль согласился возглавить правительство, полагая, что даже кратковременное пребывание партии у власти позволит ему стать центром притяжения тех сил, которые приняли реформу как свершившийся факт: задача теперь состоит в сохранении традиционных политических институтов, государственной церкви и Унии. Тори ясно понимали, что не смогут долго оставаться у власти. Об этом свидетельствует и то, что на выборах в 1835 г. они выдвинули своих кандидатов только 3/5 избирательных округов [14, р. 17]. Действительно, правительство тори пребывало у власти немногим более 1000 дней (19 декабря 1834 г. – 8 апреля 1835 г.), глава правительства, не найдя поддержки в палате общин, в апреле подал в отставку. Сам факт возвращения тори к власти стимулировал процесс возрождения партии, как представители тори стали именовать себя, консервативной партии. Как писала «Морнинг Пост», Р. Пиль стал «бесспорным лидером, «руководителем партии верной Конституции» [21, 7 September].

С 1835 по 1841 гг. Р. Пиль и его единомышленники начинают борьбу за возвращение консерваторов к власти. Находясь в оппозиции, партия приступила к формированию нового политического курса, хотя традиционная ориентация партии постоянно заставляла ее отдавать дань торийскому курсу. Но после 1832 г. Р. Пиль увидел важные реалии нового времени и прежде всего – увеличение экономической силы и влияния промышленной буржуазии. Целью Р. Пилля стало стремление объединить всех, кто заинтересован в сохранении «порядка» и законности, создании союза собственности и порядка, делающего уступки силам перемен». Он считал важным сделать упор на союз всех собственников, который включал бы «земельный класс», духовенство – традиционных представителей партии, а также торговую и промышленную буржуа-

зию, лиц «свободных профессий», но с сохранением преобладающего влияния земельной аристократии. Примечательно, что Р. Пиль, опиравшийся преимущественно на землевладельцев и выражавший их интересы, попытался расширить социальную опору партии за счет привлечения консервативно настроенных буржуа. «Городской консерватизм» отражал стремление Р. Пилля к превращению партии в нечто большее, чем «представительство земельных интересов» [12, р. 127–130]. Как дальновидный политик, он понимал, что только партия, выражающая интересы всех господствующих классов, будет в состоянии находиться у власти. Но это были лишь первые шаги Р. Пилля на пути превращения консервативной партии в аристократически-буржуазную, она и в начале 40-х гг. XIX в. оставалась оплотом земельной аристократии. Р. Пиль, как отмечают А. А. Галкин и П. Ю. Рахшмир, «опередил время, синтез феодальной аристократии и промышленной буржуазии» не мог произойти в этот период. [4, с. 30]. В сущности Р. Пиль допускал некоторое расширение элиты партии за счет консервативно настроенной буржуазии. Основные принципы политики партии наиболее четко были сформулированы Р. Пилем в 1838 г.: поддержка прерогативы королевской власти, лордов, палаты общин; защита англиканской церкви, сохранение и защита института собственности [25, v. 61, No. 122, р. 511–518, 537–538]. Выступление Р. Пилля в этом году следует квалифицировать как стремление лидера партии к защите институтов государства и церкви от посягательств радикалов. Угроза радикализма, возникшая в период борьбы за парламентскую реформу 1832 г., вновь вернулась в конце 30-х гг. со стороны «среднего класса» в виде движения за отмену хлебных законов, вновь поставила перед консерваторами конституционные вопросы, но на новом уровне. Пилевский консерватизм, сохраняя генетическую связь с торизмом, использовал более гибкие методы. В данном случае речь идет об использовании «охранительных мер», допускающих ограниченные реформы, но вместе с тем ставящих барьеры на пути радикальных преобразований. Он пытался направить политику консервативной партии по среднему пути между реакцией и революцией, сбалансировать требование реформ и требование стабильности.

Ростки «нового консерватизма», появившиеся в конце 1930-х гг., набирали свою силу в ходе трудной борьбы с «ультра» – могущественной группировкой консерваторов-традиционалистов (Р. Вивиан, маркиз Чандос, Э. Нэтчбулл, Г. Бентик, Дж. Стэнли и др.), «тори-радикалами» – аристократами из общества «Молодая Англия» (Д. Смит, Д. Мэннерс), опасавшихся пилевского компромиссного консерватизма. Р. Вивиан, Э. Нэтчбулл, Г. Бентик полагали,

что настоящее призвано опираться на прошлое, которое должно быть сохранено. Р. Пиль считал, что прошлое надо реставрировать, приспособлять к новым условиям. Он был не просто обращен в прошлое, он сторонник сохранения, всего жизнеспособного, но вместе с тем он традиционалист (прежде всего в его стремлении сохранить многие традиционные элементы торизма – законность, порядок, собственность, конституция), хотя его охранительная позиция допускает возможность модификации, способность изменяться в ответ на перемены в обществе. Для Р. Пилиа главным является связь времен, взаимоотношения прошлого, настоящего и будущего. Но в своих взглядах Р. Пиль в известной мере опередил свое время.

Свою позицию, линию поведения, свое политическое кредо Р. Пиль изложил в Темуорском манифесте и в выступлениях в 1838 году. Его вряд ли можно назвать теоретиком консерватизма он, «ум практический». Его главная цель – создать партию, которая противостояла бы «беспокойному духу» революционных перемен. Именно под руководством Р. Пилиа консервативная партия приступила к разработке новых методов введения избирательных кампаний, к созданию местных консервативных ассоциаций, обеспечивающих регистрацию избирателей, началась обработка общественного мнения, пресса стала использоваться как инструмент, как часть партийной машины [16, р. 238]. Р. Пиль становится руководителем консервативных сил в стране и в парламенте.

Важнейшими направлениями деятельности Р. Пилиа становится работа в парламенте и вне его. Огромное значение Р. Пиль придавал деятельности партийных организаторов («кнутов» или «хлыстов»). Поэтому по его решению «кнутами» консервативного лагеря стали Дж. Клерк, Т. Фрементель, Дж. Янг, обладающие организаторскими способностями и разделяющие взгляды Р. Пилиа, они не только оказывали давление на членов парламентской фракции, но проводили разъяснительные беседы, «помогая» принять правильное решение при голосовании, по инициативе Р. Пилиа они проводили работу и с колеблющими депутатами внутри фракции «ультра-тори» и даже вигов. И «эта сфера деятельности, – пишет М. П. Айзенштат, – была настолько успешной, что в 1840 г. к ним присоединилось более 40 человек из числа ранее непримиримых противников... среди «новичков» находились и такие знаменитые и влиятельные виги, как лорд Стэнли, Д. Грэхэм...» [2, с. 331].

Р. Пиль не оставил без внимания и аристократические клубы, которые, начиная со второй половины XVIII столетия, стали центрами, где «дебатировались политические темы и складывалась политика

партии», [6, с. 357–358]. И здесь, в непринужденной атмосфере дружеской трапезы или партии в карты, происходил обмен информацией, обсуждались кандидатуры на ведущие государственные должности. И это были не досужие разговоры «пикейных жилетов», то, о чем шла речь в уютных клубных залах и кабинетах, находило отражение в персональном составе министерств, в наиболее принципиальных политических решениях правительства, а порой и определяло эти решения. В Лондоне наступил «золотой век политических клубов». С 1832 г. Карлтон-клуб (клуб тори) превратился в штаб-квартиру, в стенах которого регулярно встречались консерваторы. Именно Карлтон-клуб и его политический комитет стали центром объединения и формирования дисциплинированной парламентской партии, способствовал формированию новой политической элиты. Кроме того, политический клуб поддерживал тесную связь с местными партийными «агентами» и регистрационными обществами, различными консервативными объединениями по всей стране. Партийные «агенты» Р. Боухэм, Ф. Роберт и другие занимались «обработкой провинций», избирательными кампаниями, составляли избирательные списки. Все данные стекались в Карлтон-клуб. «Воспитанием избирателей Англии», по меткому выражению С. И. Раппопорта, занялись и местные партийные организации, которые создавались не только в аграрных районах и графствах, но и в промышленных центрах. Главным направлением стала подготовка к выборам, а главным результатом – участие в политической жизни не только членов парламента, но представителей провинций. Все это, безусловно, способствовало не только успеху консерваторов на выборах 1841 г., но и расширению социальной базы консерваторов, проведению «городского консерватизма» в жизнь, что означало стремление Р. Пилиа привлечь на свою сторону консервативно настроенные слои городского «среднего класса». Однако и к 1841 г. концентрация аграрных интересов в партии была почти полной. Главной особенностью успеха консерваторов, их популярности в период с 1833 по 1841 гг. стало, как писала «Морнинг Пост», выступление консервативной партии «за сохранение старых английских институтов и интересов, традиций британских подданных»; понимание необходимости противодействия «иностранный конкуренции с английским сельским хозяйством...» [21, 1845. 7 July], т. е. сохранение принципа аграрного протекционизма. «Земельный класс» – крупные лендлорды, джентри, фермеры, даже сельскохозяйственные рабочие – сплотились вокруг консервативной партии и поддерживали ее на выборах в 1841 г. Обращение к городским избирателям было свидетельством признания определенными кругами

консерваторов необходимости соблюдать экономические интересы финансового, промышленного и торгового «среднего класса». Ни Р. Пиль, ни его сторонники вовсе не собирались идти на разрыв с большинством партии, они хотели сбалансировать интересы торговой и промышленной буржуазии и интересы земельной аристократии и джентри, не ущемляя последние. Либерально-консервативная тенденция этой группировки нашла реальное воплощение в экономической политике правительства Р. Пиля (1841–1846 гг.).

По совету своих сторонников и друзей Р. Пиль стал использовать прессу для ознакомления общественного мнения со своей платформы, так и как «инструмент», «элемент» формирующейся партийной машины, стараясь при этом поддерживать с ней хорошие отношения, в частности с газетами «Таймс», «Морнинг Пост» (последняя, особенно в начале 1940-х гг., резко критиковала экономическую политику Р. Пиля), журналом «Квотерли Ревью».

Безусловно, необычный взлет Р. Пиля был связан с разработкой, введением в политическую жизнь «либерального консерватизма», сущность которого была изложена им 18 декабря 1834 г. в обращении к избирателям местечка Темуорс. Обладая необходимым политическим умом, наделенный честолюбием, он отразил стремление консерваторов адаптироваться к изменившимся экономическим, социальным, политическим условиям, опираясь на ценностно-идеологический багаж, созданный его предшественниками. Впрочем, не последнюю роль в успехе консерваторов и Р. Пиля сыграло формирование новой партийной структуры (местных партийных ассоциаций, дисциплинированной парламентской фракции, хотя до создания четкой партийной машины еще было далеко, начало ее формирования – это несомненная заслуга Р. Пиля), целенаправленная деятельность партийных организаторов и «агентов», умелое использование прессы, а также расширение деятельности и влияния Карлтон-клуба. Активизация деятельности консерваторов вне парламента, безусловно, привлекали к Р. Пилю сторонников в стране. Однако сын фабриканта еще не стал для «ультра-тори» своим и «подходящим лидером» партии, значительную роль в партии играли У. Гладстон (министр промышленности и торговли во втором кабинете Р. Пиля), «прежние виги» – лорд Стэнли (министр по делам колоний в правительстве Р. Пиля), Д. Грэхэм (министр внутренних дел второго кабинета Р. Пиля). Этот последний отнюдь не случайно был приглашен в правительство и занял столь значительный пост. Он был популярным в стране политическим деятелем, но главное заключалось в том, что он обладал познаниями по всем экономическим вопросам более глубокими, чем все ос-

тальные члены кабинета [22, р. 248]. Безусловно, сыграл свою роль тот факт, что Дж. Грэхэм разделял позицию премьер-министра и признавал его влияние в партии. Введение его в состав кабинета министров в значительной степени диктовалось желанием Р. Пиля усилить свою опору в правительстве. Влияние Р. Пиля на членов правительства, впрочем, «единственным министром», отмечает Дж. Р. Сурфилд, являлся сам Р. Пиль, все остальные – только его подчиненными» [27, р. 181]. Следует отдать должное консервативной прессе: она подметила весьма характерную черту – сплоченность правительства вокруг премьер-министра. В то же время в печати немало говорилось и о поддержке правительства в обеих палатах парламента, об уверенности в том, что правительство во главе с Р. Пилем будет следовать основным принципам консерватизма [28, 1841 6, 11, 13 September].

Разумеется, Р. Пилю еще предстояло «завоевать» не только страну, но и королеву Викторину. Это было одной из труднейших задач для нового лидера партии. В основе негативного отношения королевы Виктории к Р. Пилю лежали причины личного характера и ее политические позиции: она считала Р. Пиля «холодным и достаточно странным», ее раздражали его манеры и даже его «чрезмерная скромность и стеснительность» [18, р. 200], она явно высказывала свое предпочтение лорду Мельбурну, чьим советам и рекомендациям королева следовала неукоснительно, их отношения были очень доверительными, она считала его «истинным вигом»; Р. Пиль по рождению был тори, королева Виктория в 30–40-е гг. придерживалась вигских взглядов.

Таким образом, выбор политических пристрастий для Р. Пиля имел субъективный характер – решающим фактором стал наследственный принцип выбора политического кредо. В нем сочетались черты «старого» и «нового» типа политика. Его идеи и принципы оказались созвучными настроением различных слоев ранневикторианского общества. Программа консервативной партии, изложенная Р. Пилем в Темуорском манифесте, стала первым обращением к общественному мнению в политической истории Британии. Он представлял образец политического поведения лидера партии, адаптирующейся к изменившейся ситуации. Главной тактической задачей Р. Пиля стало объединение все еще разрозненных консервативных сил как в парламенте, так и вне его. Новым являлось привлечение на свою сторону части заднекамеечников, активизация деятельности партийных организаторов, создание консервативных объединений не только в аграрных графствах и районах, но и в городах, работа с избирателями (выступления на собраниях, митингах, банкетах). Активизация деятельности партии и ее лидера означала,

что участие в политической деятельности переставало быть деятельностью только узкого круга лиц (членов парламента, аристократической верхушки).

Р. Пиль являлся ярким представителем нового типа политика, характерными чертами которого можно считать обращение к избирателям, активную деятельность вне парламента, использование прессы, стремление к расширению социальной базы консерватизма («городской консерватизм»). Но при этом Р. Пиль – это представитель существовавшей парламентской традиции – человек, имевший практический политический опыт. Семейная традиция участия в политической жизни (его отец – член палаты общин от местечка Темуорс) позволила ему не только пройти школу «политического ученичества», но и сделать карьеру, по рождению – тори, по убеждениям – либеральный консерватор. Бесспорно, он «консерватор-охранитель», смыслообразующим элементом мировоззрения Р. Пилия выступает традиция, понимаемая им как сохранение, развитие всего ценного, накопленного предыдущими поколениями, в соответствии с реалиями «нового» времени.

1. *Айзенштат М. П.* Британия нового времени. Политическая история. М., 2007.

2. *Айзенштат М. П.* Власть и общество Британии 1750–1850 гг. М., 2009. С. 305; С. 331.

3. *Викторианцы.* Столпы британской политики XIX в. Ростов-на-Дону, 1996. С. 11.

4. *Галкин А. А., Рахимир П. Ю.* Консерватизм в прошлом и настоящем. М. 1987; С. 30.

5. *Гизо.* Сэр Пиль // Русский Вестник. 1856. Т. 6. С. 529.

6. *Соколов А.* Лондон // История Великобритании / Руководитель издательского проекта: А. И. Булдаков. М., 2004. С. 357–358.

7. *Хибберт К.* Королева Виктория / пер. с англ. В. М. Заболотного. М., 2005. С. 137.

8. *Brasher N. H.* The Arguments in History. Britain in the nineteenth Century. L.-N. Y. 1968. P. 45; 47, 47–48.

9. *Brinton C.* English Political Thought in the nineteenth Century. L., 1933. P. 74–75.

10. *Crocer J. W.* The Crocer' Papers. The Correspondence and Diaries of 2-nd ed. L., 1885. V. 1. P. 137.

11. *Cecil Algerion.* Queen Victoria and her prime-ministers. L. 1953. P. 102–103.

12. English Historical Documents. Camb. 1956. V. 12 (1). P. 128. English Historical Documents P. 127–130.

13. *Gash N.* Sir Robert Peel. The Life of Sir Robert Peel after 1830. L., 1972. P. 59–60.

14. *Gash N.* Reaction and Reconstruction in English Politics 1832–1852. Oxford. 1965. P. 17.

15. *Gash N.* Politics in the age of Peel. A study in the technique of Parliamentary representation 1830–1850. N. Y. P. 393.

16. *Hanham H. J.* The XIX Century Constitution. 1815–1914. Documents and Commentary. Camb. 1968., P. 238.).

17. HPD (Hansard Parliamentary Debates) 1833, V. 15. P. 366–386.

18. The Letters of Queen Victoria. A selection from Her Majesty' correspondence between the years 1837 and 1861. Ed. By A. Ch. Benson. L., 1907, v. 1. P. 200.

19. Lord Buttler / ed /. The Conservatives: a History from the Origins to 1965. L. 1977.

20. Memoirs by the right Honourable Sir R. Peel. L. 1858. P. 11, 13.

21. Morning Post. 1835, 7 september; 1845. 7 July.

22. *Morley J.* The Life of William Edvard Gladstone. L.-N. Y. 1905. V. 1. P. 248.

23. *Norton Ph., Aughey A.* Conservatives and Conservatism. L. 1981. P. 25–26; P. 70–71.

24. *Punnet R.* British Government and Politics. N. Y., 1968. P. 106.

25. *Quarterly Review.* L. 1838, V 48., No. 96. P. 544, 547; V. 61, No. 122. P. 511–518, 537–538.

26. *Sir R. Peel.* From his Private Papers. Ed. By B. Parkers Ch. St. N. Y. 1970. V 2. P. 212; 486.

27. Thursfield J. R. Peel. L. 1898. P. 181.

28. Times, 1835, 3 September; 1841. 2 September; 1841 6, 11, 13 September.

29. Who's who of British members of Parliament 1832–1885. L. 1976. P. 232.

1. *Ayzenshtat M. P.* Britaniya novogo vremeni. Politicheskaya istoriya. M., 2007.

2. *Ayzenshtat M. P.* Vlast' i obshchestvo Britanii 1750–1850 gg. M., 2009; S. 305; S. 331.

3. *Viktorianty.* Stolpy britanskoj politiki XIX v. Rostov-na-Donu, 1996; S. 11.

4. *Galkin A. A., Rakhshmir P. YU.* Konservativizm v proshlom i nastoyashchem. M. 1987; S. 30.

5. *Gizo.* Ser Pil' // Russkiy Vestnik. 1856. T. 6. S. 529.

6. *Sokolov A.* London // Istoriya Velikobritanii /Rukovoditel' izdatel'skogo proekta: A. I. Buldakov. M., 2004. S. 357–358.

7. *KHibbert K.* Koroleva Viktoriya / per. s ang. V. M. Zabolotnogo. M. 2005, S. 137.

8. *Brasher N. H.* The Arguments in History. Britain in the nineteenth Century. L.-N. Y. 1968. P. 45; 47, 47–48.

9. *Brinton C.* English Political Thought in the nineteenth Century. L., 1933. P. 74–75.

10. *Crocer J. W.* The Crocer' Papers. The Correspondence and Diaries of 2-nd ed. L., 1885. V. 1. P. 137).

11. *Cecil Algerion.* Queen Victoria and her prime- ministers. L. 1953. P. 102–103.

12. English Historical Documents. Camb. 1956. V. 12 (1). P. 128). English Historical Documents P. 127–130.

13. *Gash N.* Sir Robert Peel. The Life of Sir Robert Peel after 1830. L., 1972. P. 59–60.

14. *Gash N.* Reaction and Reconstruction in English Politics 1832–1852. Oxford. 1965. P. 17.

15. *Gash N.* Politics in the age of Peel. A study in the technique of Parliamentary representation 1830–1850. N. Y. P. 393.

16. *Hanham H. J.* The XIX Century Constitution. 1815–1914. Documents and Commentary. Camb. 1968., P. 238.).

17. HPD (Hansard Parliamentary Debates) 1833, V. 15. P. 366–386).

18. The Letters of Queen Victoria. A selection from Her Majesty's correspondence between the years 1837 and 1861. Ed. By A. Ch. Benson. L., 1907, v. 1. P. 200.
19. Lord Butler / ed /. The Conservatives: a History from the Origins to 1965. L. 1977.
20. Memoirs by the right Honourable Sir R. Peel. L. 1858. P. 11, 13.
21. Morning Post. 1835, 7 september; 1845. 7 July.
22. Morley J. The Life of William Edvard Gladstone. L.-N. Y. 1905. V. 1. P. 248.
23. Norton Ph., Aughey A. Conservatives and Conservatism. L. 1981. P. 25–26; P. 70–71.
24. Punnet R. British Government and Politics. N. Y., 1968. P. 106.
25. Quaterly Review. L. 1838, V 48., No. 96. P. 544, 547; V. 61, No. 122. P.. 511–518, 537–538.
26. Sir R. Peel. From his Private Papers. Ed. By B. Parkers Ch. St. N. Y. 1970. V 2. P. 212; 486.
27. Thursfield J. R. Peel. L. 1898. P. 181.
28. Times, 1835, 3 September; 1841. 2 September; 1841 6, 11, 13 September.
29. Who's who of British members of Parliament 1832–1885. L. 1976. P. 232.

G. F. Gorbashova

Mari State University, Yoshkar-Ola

**R. PEEL – SPECIMEN OF THE NEW POLITICAL ELITE OF BRITAIN
THE FIRST HALF OF THE XIXTH CENTURY**

The article is dedicated to notable representative of english political elite – R. Peel. The process of the emergence of new type politician is shown through the analysis of the English sources. The study is focused on his ideas, conservative principles, working up new tactics and strategic, characteristic features of new type politician.

Keywords: parliamentary reform 1832, R. Peel, Tamuorth Manifesto, conservative party, liberal conservatism, political elite.